

И Л Ь Я Л Е Й Н

Ты ещё не всё прожил

Притча о мужестве начать
после утраты

Илья Лейн
Ты ещё не всё прожил.
Притча о мужестве
начать после утраты

*<https://litres.ru/74496533>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Ему шестьдесят. У него состояние, огромный дом и четырнадцать лет, в течение которых он почти не жил.

После смерти жены Кассиан закрыл двери для мира. Когда-то его караваны пересекали страны. Теперь весь его путь заканчивается у её усыпальницы.

Но однажды старый торговец произносит: «Пусть ещё подождёт». Речь о месте, приготовленном для него рядом с любимой.

Выйти за ворота окажется труднее, чем построить торговую империю. Впереди люди, которым недостаточно его денег, встречи, требующие мужества, и вопрос: можно ли вернуться к жизни, не предав память о потерянном?

Притча для тех, кто слишком рано решил, что всё важное уже позади. Пройдите этот путь рядом с Кассианом. Возможно, среди его несделанных шагов вы узнаете свой.

Илья Лейн

Ты ещё не всё прожил.

Притча о мужестве начать после утраты

ВВЕДЕНИЕ

Есть годы, которые легко запоминаются по собственным радостям, и есть годы, которые остаются в памяти из-за общего напряжения в воздухе. Для меня таким оказался 2002-й. Газеты каждое утро приносили новые поводы для тревоги, деловой мир жил в режиме сокращений и осторожных прогнозов, а книжные магазины были забиты громкими именами и толстыми томами, за которыми моей небольшой притче, казалось, не оставалось ни полки, ни шанса.

Именно осенью того года я впервые держал в руках тонкую книгу под названием «Торговец с караванной дороги». Я написал ее почти без расчета на успех. В центре истории был мальчишка, прислуживавший при обозах и мечтавший научиться продавать так, чтобы однажды самому выбирать дорогу, по которой идти. Сюжет был слишком старомодным для моды тех лет, слишком коротким для серьезной прозы и слишком простым для тех, кто любил объяснять успех сложными схемами. Я предполагал, что первый тираж разойдется

между друзьями, знакомыми и несколькими упрямыми читателями, которые всегда находят книги, о которых никто не говорит.

У маленького издательства Northgate House не было рекламного бюджета, способного состязаться с крупными домами. В каталоге той осени стояли новые книги известных политиков, журналистов, психологов и нескольких лауреатов крупных премий. На их фоне моя история выглядела как лавка ремесленника между мраморными фасадами банков. Редактор уверял меня, что книге нужно время. Я кивал, благодарил его за бодрость и мысленно готовился к тому, что через полгода коробки с нераспроданными экземплярами вернутся на склад.

Потом случились два события, которые я до сих пор не умею называть иначе как удачным поворотом судьбы. Первым читателем, решившим действовать, оказался Джонас Рив, основатель страховой группы Asteria Mutual. Он заказал восемь тысяч экземпляров и распорядился вручить по книге каждому сотруднику и каждому региональному партнеру компании. Почти одновременно Марта Куинн, построившая крупную сеть торговых представителей, начала рекомендовать мою притчу на своих ежегодных встречах. Она не просила издателя о скидках, не требовала рекламных контрактов и даже не сообщила мне о своей поддержке. Я узнал о ней только после того, как издательство перестало успевать допечатывать тираж.

Дальше книга пошла своим путем. Люди передавали ее друг другу, оставляли на рабочих столах коллег, дарили детям, отправляли знакомым в другой город. За пять лет вышло двадцать девять допечаток. Твердый переплет разошелся тиражом более трехсот семидесяти тысяч экземпляров, а затем права на массовое издание приобрел Horizon Books. После этого история попала в аэропортовые магазины, небольшие книжные лавки и корпоративные библиотеки, о существовании которых я даже не подозревал.

Самым удивительным были не цифры. Письма читателей приходили из мест, где я никогда не бывал и в которых не ожидал встретить свою книгу. Один мужчина писал из исправительного центра в Аризоне, что переписал ключевые страницы от руки, потому что боялся потерять единственный экземпляр. Женщина из реабилитационной клиники в Онтарио рассказывала, что каждое утро читала один и тот же абзац перед первой встречей с врачом. Руководитель строительной компании в Глазго заказал несколько сотен книг для мастеров и бригадиров, а владелец семейного магазина в Маниле прислал фотографию потрепанного экземпляра, который лежал рядом с кассой и переходил от продавца к продавцу.

Через много лет общий тираж превысил семь миллионов экземпляров, а переводы появились на четырнадцати языках. Такие числа плохо помещались в голове человека, который когда-то сомневался, стоит ли печатать две тысячи эк-

земляков. Но именно вместе с этим успехом возник вопрос, который стал повторяться в письмах все чаще: что произошло с героем дальше? Неужели его дорога закончилась в тот момент, когда он достиг того, о чем мечтал?

Долгое время я отвечал себе: да, закончилась. История была завершена там, где должна была завершиться. Продолжение казалось опасным. Некоторые книги напоминают удачно построенный мост: добавь к нему еще один пролет без необходимости — и можно испортить всю конструкцию. За последующие годы я написал девять других книг, провел сотни встреч с читателями и выступал перед аудиториями от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Но к герою первой притчи не возвращался.

Было и еще одно сомнение. Если внутри вымышленного мира прошло столько же времени, сколько прошло у меня, мой бывший мальчик из каравана уже стал бы человеком преклонных лет. Что нового может сделать тот, кто завершил карьеру, передал дело другим и, казалось бы, получил право жить воспоминаниями? Я слишком долго принимал возраст за финальную точку, хотя в собственных поездках опровергал это почти каждую неделю.

Решение пришло неожиданно во время перелета в Барселону, куда меня пригласили выступить на ежегодной встрече объединения независимых предпринимателей. Самолет набирал высоту, а я просматривал расписание: лекция, интервью на радио, ужин с организаторами, утренний круглый

стол, затем еще один перелет. И вдруг мне стало смешно. Я был старше своего героя и при этом не собирался прекращать работу. Если я мог писать, спорить, учиться и выходить на сцену, почему я решил, что ему остается только сидеть в тени виноградника и пересчитывать прожитые годы?

В тот момент я понял, что продолжение должно быть не о том, как человек снова строит империю. Это было бы повторением. Оно должно быть о более трудной задаче: что делать после того, как внешняя цель достигнута, а жизнь все еще требует от тебя участия? Как пережить утрату, не превращая память в могилу для самого себя? Как отдать людям не только деньги, но и то, чему ты научился ценой ошибок, стыда, труда и времени? И может ли человек начать заново в возрасте, когда окружающие считают его историю уже законченной?

Так возник замысел этой книги. Старый торговец возвращается не к прежнему ремеслу, а к людям. Ему предстоит понять, что успех, который служит только своему владельцу, быстро становится тесной комнатой. Ему придется учиться говорить заново, снова терпеть неудачи, принимать помощь, пересматривать собственные убеждения и превращать опыт в слова, которые смогут пережить его самого.

Тем, кто уже знаком с первым этапом его пути, я предлагаю встретиться со старым другом в момент, когда он сам себе кажется потерянным. Тем, кто видит его впервые, не нужно знать прошлое во всех подробностях. Достаточно пом-

нить одно: человек, однажды выбравшийся из бедности и создавший большое дело, может оказаться бессилён перед одиночеством — и именно с этого начинается его самая важная работа.

Читайте дальше без спешки. Некоторые повороты жизни становятся заметны только тогда, когда мы перестаём смотреть исключительно вперёд и впервые оглядываемся на то, что уже получили, что потеряли и чем ещё способны поделиться.

ГЛАВА 1

Второе начало

К северу от Антиохии, там, где каменистые холмы постепенно переходили в сухую равнину, стоял дом, который путники принимали за дворец наместника. Белый известняк стен на рассвете розовел, медные ставни отражали первые лучи солнца, а вдоль внутреннего двора росли высокие фиnikовые пальмы, посаженные ровными рядами ещё тогда, когда хозяин только начинал богатеть.

Хозяина звали Кассиан. Когда-то его имя знали на причалах Родоса, в складах Александрии, на рынках Тарса, в конторах Коринфа и в торговых кварталах Масалии. Его караваны шли через Киликийские ворота, суда под его знаком перевозили масло, лен, медь, пурпурную ткань, стекло и пряности, а счетоводы в дальних городах сверяли цены по таблицам, присланным из его главной конторы. Двадцать шесть

лет подряд оборот его дела рос. На двадцать седьмой год Кассиан продал склады, распустил часть служащих, передал лучшие маршруты партнерам и исчез из коммерческой жизни почти так же внезапно, как когда-то ворвался в нее.

Люди продолжали рассказывать о нем. Особенно охотно — те, кому его история позволяла верить в собственную. В молодости Кассиан был мальчиком при обозе: чистил стойла, носил воду, спал рядом с мешками зерна и годами смотрел, как другие заключают сделки, к которым его не подпускали. Через четыре десятилетия он владел состоянием, которое его старый счетовод Севир оценивал более чем в три миллиона золотых денариев, если перевести имущество, доли и запасы в одну сумму. Для ремесленников, грузчиков, мелких лавочников и вчерашних рабов его имя стало доказательством того, что начало не всегда предсказывает конец.

Но сам Кассиан в последние годы не чувствовал себя доказательством ничего, кроме того, как легко человек может пережить собственный успех.

В тот день он, как обычно, вышел во двор еще до восхода. Каменные плиты были влажными после ночной прохлады. У восьмиугольного бассейна едва слышно журчала вода, а на южной стене распустился жасмин, оплетавший темные деревянные решетки. Кассиан остановился, несколько раз глубоко вдохнул и, придерживая рукой край льняной туники, направился к дальней части сада.

За кипарисами стояла небольшая усыпальница из серого

гранита. Ни колонн, ни статуй, ни позолоты. Только тяжелая бронзовая дверь, гладкая каменная плита над ней и два куста роз по обе стороны от ступеней. Один куст, белый, цвел каждую весну. Второе место оставалось пустым.

— Доброе утро, Мара, — тихо сказал Кассиан.

Он коснулся пальцами еще закрытого белого бутона и сел на скамью под кипарисом. Здесь, за этой дверью, лежала женщина, которая прожила с ним тридцать два года — от первых маленьких складов у восточных ворот до тех дней, когда его люди уже спорили не о том, где купить товар, а о том, какой порт способен вместить все его суда.

Мара умерла четырнадцать лет назад. Через сорок дней после похорон Кассиан объявил о продаже торговых домов. Через три месяца перестал принимать бывших партнеров. Через год распорядился отвечать почти всем посетителям, что хозяин болен или находится в отъезде. Позднее даже это объяснение исчезло: двери просто перестали открываться.

Вначале он называл свое затворничество отдыхом. Потом — трауром. Затем — правом старого человека на покой. С каждым годом названия становились благороднее, а жизнь — меньше.

Сколько времени он просидел у гробницы в то утро, Кассиан не знал. Он задремал, положив руки на трость, и очнулся от тяжелой ладони на плече.

— Простите, господин.

Голос был хриплым, знакомым до последней интонации.

— Доброе утро, Севир.

Старый счетовод прищурился и указал подбородком на солнце, уже поднявшееся высоко над стеной.

— Если это утро, то полдень сегодня решил не наступать.

Кассиан посмотрел на небо и поморщился.

— Еще одно преимущество старости. Ночью не спишь, до рассвета бродишь по дому, а потом засыпаешь именно тогда, когда нормальные люди начинают работать.

Севир уже приготовился к привычному разговору о слабых коленях, испорченном сне, короткой памяти и нелепости тела, которое продолжает жить после того, как человек устал от жизни. Но Кассиан вдруг встал так быстро, что трость упала на плиту.

— Нет, — сказал он.

Севир наклонился за тростью.

— Что — нет?

Кассиан прошел к усыпальнице, положил ладонь на холодный камень и обернулся. В его голосе появилась та резкость, которую Севир не слышал много лет.

— Нет. Я больше не буду объяснять свое бездействие возрастом. И горем тоже не буду. Скажи мне, сколько лет я живу так, будто уже похоронен рядом с Марой?

Севир замер. Он был рядом с Кассианом почти сорок лет и научился отличать минутный всплеск раздражения от решения, которое действительно изменит ход дел.

— Четырнадцать лет, господин. После ее смерти вы рас-

продали торговые дома и перестали встречаться почти со всеми. Сначала это казалось временным. Потом стало привычкой.

— Привычкой? — Кассиан коротко рассмеялся. — Назови честнее. Я превратил печаль в ремесло и занимался им добросовестнее, чем когда-то торговлей.

Сефир опустил глаза.

— Я не хотел бы судить вас.

— А я прошу не судить. Я прошу помочь мне увидеть то, что ты видел все эти годы. Сколько раз ты хотел сказать, что я веду себя как человек, который медленно идет в могилу и сердится, когда его пытаются остановить?

— Часто.

— И почему молчал?

— Потому что вы потеряли Мару. И потому что моя преданность вам не зависит от того, насколько удобен ваш характер. Я служил вам, когда ваши караваны приносили прибыль, и не собирался уходить, когда вы решили тратить жизнь на тишину.

Кассиан долго смотрел на него. Потом сорвал белую розу и вложил ее в руку Сефиру.

— Ты всегда был хуже любого зеркала. Зеркало молчит, а ты даже молча заставляешь видеть правду.

Сефир осторожно взял цветок.

— Вы сами велели мне однажды посадить здесь второй куст, красный, когда придет время похоронить вас рядом с

госпожой Марой. Я каждый год проверяю саженцы у садовника и каждый год радуюсь, что приказ остается невыполненным.

— Пусть еще подождет.

Эти слова прозвучали просто, но Севир поднял голову так резко, словно услышал удар колокола.

Кассиан вернулся к скамье.

— Я слишком долго жалел себя. Это удобная болезнь, Севир. Она не требует лекаря, не вызывает жара и даже позволяет человеку казаться достойным сочувствия. Зато она постепенно отнимает у него желание быть полезным. Я прятался здесь, потому что мир без Мары казался мне неправильным. Но мир не обязан становиться меньше только потому, что моя боль велика.

— Вы не были бесполезны, — возразил Севир. — За эти годы из ваших средств построили две кухни для бедных у западных ворот. Вы оплачивали зерно во время неурожая, выкупали должников, содержали приют для детей портовых рабочих. В прошлом месяце я перевел еще двадцать тысяч денариев лечебнице святого Космы.

Кассиан нетерпеливо махнул рукой.

— Деньги. Ты говоришь о деньгах человеку, у которого их столько, что он перестал замечать уменьшение сундуков. Что я жертвовал? Удобство? Сон? Время? Нет. Я подписывал распоряжения. Иногда даже не читал суммы. Богатому легко бросить горсть монет туда, где бедняк отдает половину

хлеба. Не хвали меня за то, что не стоило мне почти ничего.

Севир хотел возразить, но промолчал.

— Я не говорю, что эти деньги бесполезны, — продолжил Кассиан. — Они кормят людей, это важно. Но я использовал щедрость как еще одну стену между собой и миром. Отдал золото — и можно не выходить за ворота. Оплатил врача — и можно не смотреть больному в глаза. Купил хлеб — и не нужно знать имени того, кто его ест. Я делился имуществом и берег себя целиком.

Севир сел рядом.

— Зато вы читали. Никогда в жизни вы не учились так много, как после ухода госпожи Мары.

В этом он был прав. За четырнадцать лет бывший торговец собрал библиотеку, которой завидовали городские учителя. Писцы привозили ему сочинения историков, философов, врачей, математиков, правоведов и поэтов. Кассиан, который в юности едва умел вести счет товарам, теперь мог спорить о причинах падения городов, о движении звезд и о природе человеческих привычек.

— Книги спасли мой разум, — признал он. — Я получил образование слишком поздно, но все же получил. Они показали мне, насколько узким был мой мир, когда я думал только о цене шерсти в Тарсе и стоимости фрахта до Родоса. Но знание, которое остается на полке или в голове старика, тоже может быть разновидностью скупости.

Он встал и несколько раз прошел вдоль скамьи.

— Мне шестьдесят. Я здоров. Лекарь говорит, что сердце у меня крепкое. Я могу пройти от восточных ворот до гавани без остановки. Я вижу мелкие буквы без стекла. И все это время я изображал человека, которому уже нечего делать, кроме как ждать конца.

Севир улыбнулся впервые за утро.

— Шестьдесят — опасный возраст, господин. Можно еще успеть натворить много дел.

— Вот именно. Я хочу вторую жизнь.

Севир перестал улыбаться. Глаза его наполнились слезами.

— Я молился услышать от вас что-нибудь подобное.

— Тогда, возможно, твои молитвы наконец подействовали.

— Что заставило вас перемениться сегодня? Четырнадцать лет вы вставали до рассвета, приходили сюда, молчали, сердились на себя и возвращались в дом. Почему именно сегодня вы решили, что этого достаточно?

Кассиан посмотрел на бронзовую дверь усыпальницы.

— Мара.

Севир чуть нахмурился.

— Я не понимаю.

— Мне приснилась Мара. Не так, как обычно. Раньше во сне она была такой, какой я ее помнил: сидела у окна, спорила с поваром, выбирала ткань для занавесей. Сегодня она взяла меня за руку и повела по Антиохии.

Кассиан говорил медленно, словно снова видел сон перед собой.

— Мы шли через квартал у южной стены. У хлебной лавки стояла женщина с двумя детьми и считала медяки, понимая, что не хватит даже на половину буханки. Потом мы оказались у пристани. Там молодой грузчик сидел на земле с перебинтованной ногой и смотрел, как его товарищи получают плату за смену, потому что он уже три недели не мог работать. Потом — в мастерской красильщика, где старик пытался научить ремеслу мальчика, который не умел читать ни одной метки на сосудах. Потом мы увидели человека, потерявшего лавку из-за долга, и он стоял перед закрытой дверью, не решаясь идти домой к семье.

Сефир слушал, не перебивая.

— Мара все время спрашивала меня одно и то же: «Ты их видишь?» Я отвечал: «Да». Она спрашивала: «И что ты собираешься делать?» Я говорил, что мы кормим бедных, оплачиваем врачей, помогаем должникам. Она остановилась посреди площади и сказала: «Я спрашиваю не о твоих сундуках. Я спрашиваю о тебе».

Кассиан замолчал. В саду упал перезрелый инжир.

— Такой она была, — тихо сказал Сефир. — Умела одной фразой испортить человеку удобную ложь.

— Во сне она была суровее. Сказала, что я не имею права превращать любовь к ней в оправдание собственной трусости. Что в городе тысячи людей, которые не знают, к кому об-

ратиться, а я сижу за стенами, будто мой опыт принадлежит только мне. Потом она сказала, что сегодня к моим воротам придет незнакомец. Я не должен его отсылать. Он принесет предложение, которое покажется мне странным, но именно с него начнется то, что она назвала моей второй дорогой.

Сефир побледнел.

Кассиан заметил это сразу.

— Что?

— Ничего.

— Ты слишком стар, чтобы убедительно врать мне. Что случилось?

Сефир повертел в пальцах белую розу.

— Я пришел сюда не только потому, что беспокоился о вас. В библиотеке ждет посетитель.

Кассиан застыл.

— Кто?

— Я его не знаю. Представился Кироном из Тира. Сказал, что прибыл вчера вечером и сегодня с рассвета ждет возможности поговорить лично с вами.

— Ты знаешь мой приказ. Посетителей не принимаю.

— Знаю. Четырнадцать лет исполняю его без исключений.

— Тогда почему этот человек сидит в моей библиотеке?

Сефир слегка развел руками.

— Потому что я не смог его выставить. Он не просил милостыню, не предлагал продать землю и не пытался вернуть старый долг. Он просто сказал: «У меня есть дело, которое

может вернуть господина Кассиана к людям». Я решил, что это дерзость. Потом он добавил, что предложение связано не с торговлей товарами, а с тем, чему вы научились за свою жизнь. После этого я велел подать ему воду и ждать.

Кассиан посмотрел на усыпальницу, затем на высокий фасад дома за деревьями.

— Он говорил, зачем приехал?

— Только то, что у него деловое предложение. И что дорога из Тира стоила ему пяти дней.

— Пять дней ради разговора со стариком, который отказывается видеть людей?

— Похоже, он либо очень глуп, либо очень уверен в себе.

Кассиан вдруг рассмеялся. Сначала коротко, почти винновато, потом громче. Смех разнесся по двору, ударился о каменные стены и вернулся эхом. Несколько слуг, работавших у галереи, замерли и обернулись: многие из них никогда не слышали, как хозяин смеется.

Семир смотрел на него и тоже улыбался.

— Что прикажете сделать с посетителем?

Кассиан поднял упавшую трость, но не стал на нее опираться.

— Накормить, если он голоден. И налить вина, если дорога действительно заняла пять дней.

— А потом?

— А потом мы его слушаем.

Они пошли к дому. У ступеней Кассиан остановился и

еще раз посмотрел на белую розу в руке Севира.

— Знаешь, старый друг, я четырнадцать лет ждал знака, который разрешит мне жить дальше. Это было глупо. Но если судьба все же решила постучать именно сегодня, держать ее в прихожей было бы совсем невежливо.

Сефир поклонился так торжественно, будто перед ним снова стоял тот самый хозяин, который когда-то одним решением разворачивал караваны, менял маршруты и заставлял десятки людей действовать быстрее.

— Тогда пойдемте, господин. Ваш гость уже заждался.

Кассиан шагнул под своды галереи. Впервые за четырнадцать лет он входил в собственный дом не для того, чтобы спрятаться от мира, а чтобы открыть ему дверь.

ГЛАВА 2

Предложение Кирона

Кирон ждал в библиотеке, стоя у круглого бассейна с золотыми рыбками. Он то смотрел на воду, то поднимал голову к высоким ореховым стеллажам, которые занимали три стены от темного мраморного пола до потолка, выложенного синими и охряными плитками. На полках лежали свитки, таблички, переплетенные тетради из пергамента, карты портов, дорожные журналы и толстые счетные книги, оставшиеся от прежней торговой жизни хозяина.

Сам Кирон был невысок, сухощав и держался так прямо, будто за его спиной стоял невидимый строй солдат. Короткие седые волосы резко выделялись на смуглом лице. Дорога

из Ти́ра оставила на его плаще слой светлой пыли, но ремень был затянут аккуратно, сандалии очищены, а кожаная папка с бумагами лежала на столе строго параллельно его краю. Севир представил гостя и отошел к окну.

— Наконец-то я вижу человека, о котором слышал половину жизни, — сказал Кирон, поклонившись. — И должен признаться: ваша библиотека впечатлила меня не меньше, чем рассказы о ваших караванах. Я видел собрание правителя Родоса и архив купеческой коллегии в Александрии, но здесь, кажется, книг больше, чем товара на ином рынке.

Кассиан оглянулся на полки с удовлетворением, которое не пытался скрывать. — В этой комнате я могу спорить с людьми, умершими за несколько столетий до моего рождения, и почти всегда проигрываю. На западной стене стоят сто восемьдесят четыре свитка по истории войн, рядом — труды врачей из Косской школы, а в дальнем шкафу Севир сумел собрать сорок семь трактатов по морской навигации, хотя я уже давно никуда не отправляю корабли. Но вы ехали пять дней не ради моих полок. Садитесь и рассказывайте, зачем пришли.

Кирон сел на край низкой кушетки с инкрустацией из перламутра и несколько секунд изучал хозяина. — Мне сообщили, что в годы, когда ваши конторы работали от Египта до Италии, вы вели переговоры без переводчика на греческом, арамейском и латыни. Это правда?

— Если под словом «вести» понимать способность купить

зерно, продать шерсть и понять, когда тебя пытаются обмануть, то да. Я научился говорить на этих трех языках из необходимости. Красивых речей мне никто не преподавал.

— Красивые речи мне как раз не нужны, — ответил Кирон. — Людям надоели красивые речи.

Кассиан поднял бровь, и гость продолжил. За последние двадцать лет, объяснил он, в крупных городах возникла новая мода: люди платили не только за зрелища, музыку и состязания, но и за возможность слушать тех, кто обещал научить их жить разумнее. В Антиохии ремесленники собирались по вечерам на лекции о долгах и семейном хозяйстве. В Тире капитаны слушали бывших военных о дисциплине. В Александрии толпы заполняли гимнасии ради врачей, философов, астрономов, учителей памяти и даже толкователей снов.

— Среди выступающих полно ловких пустословов, — сказал Кирон. — Я сам нанимал двух таких, когда был моложе и глупее. Один уверял, что способен по форме уха определить судьбу человека, второй продавал после лекции порошок, который якобы укреплял волю. Оба собирали полные залы и оставляли после себя только разочарование. Но я видел и других: людей, которые прошли войну, потеряли дело, подняли мастерскую из долгов, вылечили сотни больных или построили торговлю с нуля. Когда такой человек говорит не о чуде, а о том, что делал сам, слушатели уносят домой не восторг, а инструменты.

— И вы занимаетесь этими выступлениями?

— Двадцать два года. Начинал с кулачных боев и скачек в Сидоне. Потом организовывал состязания колесниц, публичные диспуты, чтения поэтов, выступления врачей, показательные суды для школ риторики и лекционные вечера. Работал в Тире, Берите, Кесарии, Александрии, Эфесе и Риме. Если сложить маленькие города, где я арендовал зал хотя бы однажды, их будет больше двухсот.

Кассиан кивнул. — Теперь я понимаю, почему Севир не выставил вас за ворота. Но все еще не понимаю, какое отношение ваши представления имеют ко мне.

Кирон наклонился вперед. — Я хочу, чтобы вы вышли на сцену.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как вода падает с каменного края бассейна. Севир, стоявший у окна, медленно повернул голову.

— Вы предлагаете мне развлекать публику? — спросил Кассиан.

— Нет. Я предлагаю вам учить ее. Вы были мальчиком при обозе и стали хозяином сети, которая связывала десятки городов. Вы пережили разорительные годы, предательства партнеров, неурожаи, морские потери, ошибки в расчетах и все равно построили дело, которое росло двадцать шесть лет подряд. Потом вы добровольно оставили его. Даже если половина историй о вас преувеличена, у вас есть то, чего нет у большинства ораторов: право говорить о результате, кото-

рый можно проверить.

Кирон раскрыл кожаную папку и вынул лист с записями. — Я предлагаю сначала короткий пробный тур. Несколько небольших городов в пределах Сирии, где имя Кассиана известно торговцам, но не вызовет давки. Я буду арендовать помещения, нанимать людей для объявлений, договариваться со старейшинами и следить за организацией. Вы подготовите одну основную речь о том, как человек может изменить направление собственной жизни. Если после пяти выступлений вы решите, что сцена вам чужда, я увезу вас домой и больше никогда не произнесу этого предложения.

Кассиан даже не посмотрел на Севира. — Согласен.

Кирон замолчал. По выражению его лица было видно, что он приготовил еще несколько доводов, вероятно, отрепетированных на протяжении всей дороги из Тира, и теперь не знал, куда их девать.

— Простите... вы сказали «согласен»?

— Именно. Сегодня утром я решил перестать ждать, пока жизнь сама объяснит мне, зачем я еще жив. Вы приехали вовремя. Продолжайте.

За обедом Кассиан рассказал о сне, о Маре и ее предупреждении насчет незнакомца. Кирон слушал без насмешки, а затем попросил Севира принести дорожные карты. После еды трое мужчин вернулись в библиотеку и почти два часа обсуждали маршрут.

Кирон предложил начать с Дафны, затем двигаться к Гин-

дару, Кирру, Халкиде и завершить первую поездку в небольшом городе у дороги на Дамаск. Между остановками не должно было быть больше половины дня пути, чтобы Кассиан не утомлялся и мог утром разбирать предыдущую речь, а вечером выступать снова. Первые залы Кирон собирался ограничить сотней или двумя сотнями мест.

— Я хочу услышать, где вы теряете внимание людей, — объяснил он. — В маленьком помещении видно каждое скупающее лицо. Большая толпа льстит оратору: шум кажется успехом. Пятьдесят человек беспощаднее пяти тысяч.

— Разумно, — сказал Кассиан. — Если я опозорюсь, пусть свидетелей будет немного.

— Вы не опозоритесь. Но будете ошибаться. Это полезнее.

Для поездки требовалась закрытая четырехколесная повозка. Кассиан вспомнил о старом дорожном экипаже, который двенадцать лет стоял под навесом у конюшен. Его построили мастера из Тарса по заказу Авла Криспа, бывшего легата Сирии. Тот подарил повозку Кассиану после большой сделки: торговец уступил ему сто шестьдесят каппадокийских коней для пограничной конницы по цене ниже рыночной. Внутри экипажа помещались четыре спальных места, складной стол и два сундука. Для упряжки нужны были четыре лошади.

— Серые арабские жеребцы еще живы? — спросил Кассиан у Севира.

— Шестеро. Двое стали ленивее хозяина, но четверо способны пройти до Тира и обратно.

— Тогда и они выйдут из отставки.

Кирон записал размеры экипажа и перешел к расходам. В каждом городе он собирался арендовать наиболее подходящее помещение: зал при гимнасии, театр, двор школы, помещение торговой коллегии или крытый двор караван-сарая. Отдельно оплачивались объявления на дощечках и переписанных листах, глашатаи, конюшня, ночлег, еда, охрана и помощники на месте.

Севир, который до этого молча сводил цифры на восковой табличке, наконец вмешался. — Вы подробно объяснили, как будут тратиться деньги. Теперь объясните, как они будут делиться.

Кирон улыбнулся. — Справедливый вопрос. Из сборов за вход сначала вычитаются подтвержденные расходы. От остатка я получаю двадцать пять процентов. Семьдесят пять переходят господину Кассиану. Это моя обычная ставка, и такую же я беру с известных ораторов, которых представляю много лет.

Севир посмотрел на хозяина.

— Меня устраивает, — сказал Кассиан. — Все, что останется после расчетов, передавайте Севиру. Он определит суммы, которые пойдут на кухни, лечебницу и фонд выкупа должников. Я не возвращаюсь к работе ради нового сундука с золотом.

— Тогда завтра утром я отправляюсь готовить маршрут,
— сказал Кирон. — Мне понадобится примерно две недели.
За это время вы должны написать речь и начать произносить
ее вслух каждый день.

— Сколько она должна длиться?

— От пятидесяти минут до часа. Если сможете сказать
главное за сорок пять — еще лучше. Я однажды слушал фи-
лософа в Александрии, который говорил три часа и успел
повторить одну мысль двенадцать раз. А в Эфесе видел ста-
рого корабельного мастера, который за двадцать семь минут
объяснил молодым капитанам пять ошибок, способных уто-
пить судно. Через год трое из них сказали мне, что его сове-
ты спасли им корабли. Длина речи ничего не доказывает.

Кирон посоветовал не заучивать каждое слово. Нужно бы-
ло выстроить костяк, знать переходы и помнить истории, но
оставлять место для живой реакции. Хороший оратор, по его
словам, каждый раз произносит немного другую речь: учи-
тывает город, состав публики, недавние события, даже жару
в помещении. Если человек читает с пергамента так, словно
объявляет налоговый указ, слушатель быстро начинает ду-
мать о собственном ужине.

Семир отложил табличку. — А о чем вы будете говорить,
господин?

Кассиан поднялся и медленно прошел между столом и
бассейном. В прежние годы, сказал он, раз в год в этой би-
блиотеке собирались управляющие его контор. Они приноси-

ли книги доходов, списки потерь, планы закупок и прогнозы по маршрутам. Но Кассиан всегда заканчивал совещание не цифрами. Он спрашивал каждого, каким тот хочет видеть следующий год и что должен изменить в себе, чтобы этот год действительно стал другим.

— Я слишком поздно понял, — сказал он, — что люди охотно обвиняют рынок, погоду, начальника, семью, правителя, конкурента, возраст и богов. Все это иногда действительно мешает. Но самый опасный противник живет ближе. Он говорит нашим голосом и умеет убедительно объяснить, почему сегодня можно не начинать.

Он остановился у окна. За стеной, на дороге к западным воротам, двигались повозки, погонщики, дети с корзинами и женщины с кувшинами.

— Мара во сне показала мне людей, которых я привык не видеть. Но и без сна я знаю, сколько вокруг тех, кто считает собственную жизнь уже проигранной. Один потерял лавку и решил, что потерял способность работать. Другой родился бедным и сделал из бедности приговор. Третий прожил сорок лет и объявил себя слишком старым для перемен. Я четырнадцать лет совершал ту же ошибку, только в богатом доме.

Кассиан повернулся к Кирону. — Возможно, я не смогу научить человека быть великим торговцем. И не хочу. Но я могу рассказать, как однажды мальчик, который чистил стойла, перестал считать чужой успех доказательством соб-

ственного поражения. Могу рассказать, сколько раз мне приходилось менять маршрут, привычку, решение и самого себя. Если кому-то мои ошибки помогут раньше заметить собственные, этого достаточно.

Кирон медленно закрыл папку. — Тогда у нас есть тема.

— Какая?

— Не успех, — ответил он. — Возвращение власти над собственной жизнью.

Кассиан улыбнулся. — Хорошо. Идите готовить города. А я попробую подготовить слова.

Когда Кирон и Севир вышли, Кассиан остался в библиотеке один. Он сел за большой стол, развернул чистый лист пергамента и долго смотрел на него. За четырнадцать лет он прочел тысячи страниц, но теперь впервые должен был решить, какие из прожитых им лет стоят того, чтобы превратиться в несколько десятков минут чужого внимания. В верхней части листа он написал одно слово: «Начать». Затем обмакнул перо в чернила и продолжил.

ГЛАВА 3

Пять залов и один старый друг

Через восемнадцать дней после разговора в библиотеке Кассиан снова оказался в дороге. Его первый выход к публике состоялся в Дафне, в низком зале над мастерской гончара. Помещение пахло сырой штукатуркой, оливковым маслом и дымом от светильников. Кирон рассчитывал на сто мест, но пришли восемьдесят четыре человека: лавочники, несколь-

ко ремесленников, трое учителей, два солдата в отпуске и десяток молодых людей, которых, судя по их виду, больше интересовала известность выступающего, чем тема вечера.

Кассиан говорил пятьдесят семь минут. Первые десять прошли легко. Он рассказал, как в юности таскал воду для каравана и как впервые научился считать стоимость товара быстрее старших погонщиков. Потом потерял заранее подготовленный переход, перескочил к истории о неудачной партии шерсти, вернулся назад, дважды повторил одну мысль и только под конец снова почувствовал почву под ногами.

После выступления трое спутников ужинали в маленькой таверне у дороги. На столе стояли чечевица, жареная рыба, хлеб, кувшин разбавленного вина. Кирон выглядел довольным.

— Для первого раза вы сделали больше, чем я ожидал, — сказал он. — Речь проста, в ней есть ясная мысль, а люди верят вам, потому что вы говорите о собственных ошибках. Когда вы рассказывали о первом долге, даже мальчишки у двери перестали шептаться.

Кассиан отодвинул тарелку. — Не хвали меня. Я забыл целый кусок, трижды посмотрел в пол, а в середине почувствовал, что половина зала ушла мыслями домой. Скажи, что исправлять.

Кирон не спорил. — Хорошо. Во-первых, вы стояли на одном месте почти все время, словно вас прибили к доскам. Подойдите к людям, когда говорите о чем-то личном. Потом

отойдите и дайте им секунду тишины. Во-вторых, ваши руки живут отдельно от речи. Когда мысль требует силы, помогите ей жестом. В-третьих, голос. Вы торговались на рынках под крики сотен людей, но сегодня говорили на одной высоте, как писец, читающий список налогов.

— А в-четвертых?

— Смотрите в глаза. Не на «зал». Зала не существует. Есть восемьдесят четыре отдельных человека. Выберите одного, закончите мысль для него, затем найдите другого. Если каждый несколько раз почувствует, что вы говорите именно с ним, они забудут расстояние между сценой и скамьями.

Кассиан вздохнул. — Я думал, сложнее всего будет придумать, что сказать.

— Нет. Сложнее заставить сказанное дойти до другого человека. Хороший оратор немного актер, немного учитель и немного торговец. Он не притворяется. Он просто знает, что правда, произнесенная без формы, иногда проходит мимо ушей.

Сефир поднял кубок. — Терпение, господин. Караван тоже не научился ходить по вашему приказу в первый день.

На следующем вечере в Гиндаре Кассиан двигался больше и смотрел на людей внимательнее. В Кирре он начал менять темп речи и впервые рискнул замолчать на несколько секунд посреди важного эпизода. В Халкиде рассказывал уже свободнее, без пергамента перед собой. Но реакции оставались сдержанными. Люди слушали, некоторые задавали вопросы,

несколько человек подходили после встречи пожать руку — и все же того внутреннего огня, который Кирон обещал увидеть, не возникало.

После четвертого выступления Кассиан почти решил вернуться домой. Он сидел в экипаже на окраине Халкиды и смотрел, как слуга закрепляет сундуки ремнями. В голове звучала одна мысль: возможно, человек может быть хорошим торговцем и совершенно бесполезным наставником. Он уже собирался сказать Кирону, чтобы тот отменил последнюю остановку, но не смог произнести нужные слова.

За долгую жизнь Кассиан бросал товары, которые не продавались, закрывал убыточные маршруты, увольнял людей и признавал просчеты. Однако он никогда не путал разумный отказ от плохого плана с бегством от трудности. Последнее выступление было обещано. Значит, его следовало провести.

Финальной точкой маршрута стала Мизара — небольшое селение на каменистом склоне к югу от дороги, соединявшей Дамаск с городами Десятиградия. Здесь сходились торговые тропы, поэтому единственный большой караван-сарай имел просторную столовую на втором этаже. Кирон с местными помощниками поставил дополнительные скамьи и вместил двести шестьдесят семь человек.

Речь в Мизаре была лучшей из пяти, но сам Кассиан этого не чувствовал. Он заметил лишь одного слушателя во втором ряду — высокого пожилого мужчину с серебряной пряжкой на темно-красном плаще. Тот улыбался знакомой

улыбкой, кивал в нужных местах и поднялся на ноги еще до того, как остальные начали аплодировать.

— Марцелл Валерий, — выдохнул Кассиан, спускаясь со сцены.

Они не виделись почти девятнадцать лет. Когда-то Марцелл управлял Критом от имени Рима и был одним из самых надежных партнеров Кассиана в восточном Средиземноморье. Через порт Гортины проходили его партии масла, вина и бронзы; на острове стояли два склада Кассиана, а корабли под его знаком получали место у причала даже в сезон, когда гавани были переполнены.

После ответов на последние вопросы Марцелл увел троих путешественников наверх, в свою небольшую комнату при постоялом дворе. Он зажег два масляных светильника и достал кожаный мех с вином.

— Простите за роскошь, — сказал он, показывая на две кровати, шаткий стол и стену с трещиной. — В моем доме в Гортине потолки выше, но сегодня я не обменял бы эту комнату ни на один зал дворца. Кассиан, старый разбойник, сколько лет?

— Девятнадцать. А ты, конечно, не постарел.

— Вот и первое доказательство, что величайшие торговцы умеют лгать лучше обычных.

Пока Севир рассказывал Кирону о старых поставках на Крит, Кассиан наблюдал за другом. Марцелл похудел, волосы стали почти белыми, а на левой руке появился легкий тре-

мор. Он был одет как путешественник, не как чиновник. Никакой свиты, только один слуга и дорожный мешок у стены.

— Что ты делаешь в Мизаре? — наконец спросил Кассиан. — Насколько я помню, ты всегда говорил, что горные дороги созданы для людей, которым нечего терять.

Марцелл улыбнулся. — Отчасти в моем присутствии здесь виноват ты. Тебе знакомо имя Иорама из Гадары?

Кассиан рассмеялся. — Невысокий человек с голосом, способным перекрыть базар? Конечно. Лет двадцать пять назад он появился у моих ворот в таком виде, будто за ним гнался весь город.

— Почти так и было, — сказал Марцелл. — Он тогда проповедовал учение человека по имени Элиан, которого казнили в Иудее. Иорам утверждал, что люди должны относиться друг к другу так, будто чужая боль имеет ту же цену, что собственная. Для некоторых властей и жрецов такая простота оказалась опаснее сложных догматов.

Кассиан кивнул. — Иорам пришел ко мне не за деньгами. Он хотел научиться убеждать. Кто-то сказал ему, что я умею продавать не только ткань и масло, но и решение человеку, который утром был уверен, что ему ничего не нужно. Мы разговаривали до ночи. Я объяснял ему, как сначала слушать, как задавать вопросы, как не унижать того, кто не согласен, и почему обещание должно быть меньше доказательства, а не больше. На рассвете он ушел.

— А потом приехал на Крит, — продолжил Марцелл. —

Представился твоим знакомым и попросил у меня час. Я дал ему час из уважения к тебе. Через два дня я уже сам просил его остаться еще на неделю. С тех пор я следую учению Элиана.

Кассиан посмотрел на него внимательнее. — Ты? Человек, который однажды оштрафовал храмовую коллегия за то, что их процессия перекрыла дорогу к гавани?

— Тот самый. Возраст иногда делает с человеком забавные вещи. А иногда — правда.

Марцелл налил всем вина. Он объяснил, что шесть месяцев назад оставил государственную службу и передал дела преемнику. Врачи предупреждали его о слабом сердце. Поэтому он решил потратить часть оставшегося времени на путешествие по местам, связанным с Элианом: увидеть деревни, где тот учил, дорогу к озеру, где собирал первых учеников, каменоломню, в которой работал в юности, и холм за Иерусалимом, где был казнен.

— Мизара была его домом? — спросил Кассиан.

— Почти тридцать лет. Здесь он вырос. Его отец держал мастерскую в нижней части селения, делал двери, сундуки, колеса для повозок. Местные до сих пор спорят, какие предметы созданы руками Элиана.

— Но родился он не здесь.

Марцелл перестал улыбаться. — Откуда ты это знаешь?

Кассиан поставил кубок на стол. Севир, до этого беседовавший с Кироном, тоже повернулся.

— Потому что я видел Элиана в ту ночь, когда он родился. Марцелл медленно сел. — Ты никогда не говорил мне об этом.

— Ты никогда не спрашивал, почему я в шестнадцать лет едва не потерял место в караване Марона.

Кассиан прошел к окну. За ставнями слышались голоса во дворе и звон упряжи. Он рассказал историю, которую не вспоминал вслух много лет.

В те времена он был младшим мальчиком при обозе Марона — хозяина трех караванов, ходивших между Дамаском, Петрой и побережьем. Кассиан кормил животных, мыл котлы, проверял веревки и мечтал стать торговым помощником. Марон однажды решил испытать его и передал ему редкую бесшовную накидку из тирской шерсти, окрашенную в густой кармин. Такая вещь стоила больше, чем Кассиан получал бы за полгода работы.

— Он сказал: «Продай ее в Бет-Шалеме за три дня. Вернешься с монетами — начнешь учиться торговле. Вернешься с тканью — еще год будешь таскать воду». Я был уверен, что справлюсь за утро.

Не справился. Три дня Кассиан обходил лавки, дома богатых людей, постоялые дворы и рынок. Он снижал цену, менял доводы, предлагал рассрочку, но никто не покупал. К вечеру третьего дня он был настолько измучен отказами, что решил переночевать в сарае за постоялым двором, рядом со своим ослом, а утром предпринять последнюю попытку.

Внутри сарая, освещенного одной лампой, уже находилась молодая пара. Мужчина пытался устроить на соломе место для женщины, которая несколькими часами ранее родила ребенка. Их повозка сломалась на дороге, денег на комнату не было. Новорожденного укрывали мешковиной и тонким плащом матери. Ночь была холодной, с ветром из пустыни.

— Я стоял у двери и думал только о накидке, — сказал Кассиан. — Если отдам ее, Марон решит, что я украл товар или сошел с ума. Если не отдам, ребенок будет дрожать до рассвета. Я минуту торговался с самим собой и проиграл.

Он снял карминовую накидку с седла, подошел к женщине и укрыл младенца. Отец ребенка пытался отказаться, но Кассиан сказал, что ткань все равно не удалось продать. Молодая мать заплакала, прижала его ладонь к щеке и поцеловала в подбородок. Затем Кассиан ушел, прежде чем успел передумать.

— Я возвращался к каравану как преступник. Даже не заметил комету. Она появилась над южным горизонтом незадолго до полуночи — медного цвета, с раздвоенным хвостом. Марон ждал меня у крайнего шатра и смотрел не на меня, а в небо. Когда я признался, что сделал, он не ударил и не выгнал. Он сказал, что человек, способный отдать единственный товар, когда уверен, что этим разрушает собственный шанс, возможно, уже понял о торговле больше, чем тот, кто умеет только брать деньги.

В ту же ночь Марон принес из своего сундука десять кожаных свитков. На каждом был записан один принцип работы с собой и людьми. Он велел Кассиану читать их по установленному порядку, применять и никогда не передавать никому, пока не появится человек, который принесет знак, связанный с той карминовой накидкой.

— Я прожил с этими свитками почти сорок лет, — сказал Кассиан. — Благодаря им я изменил привычки, научился доводить начатое, не принимать отказ за приговор и не путать удачу с мастерством. Но я не знал, кому их отдать.

— Пока не появился Иорам? — тихо спросил Марцелл.

— Именно.

Это произошло через три года после того, как Кассиан продал торговые дома. Иорам пришел в его дом с дорожным мешком. Во время разговора он вынул из него старую карминовую накидку и сказал, что она принадлежала Элиану почти всю взрослую жизнь. После казни учителя одежду сохранили его ученики, а затем передали Иораму перед первой большой поездкой.

Кассиан сначала решил, что сходство случайно. Но у нижнего шва сохранился знак тирской мастерской — маленький резубец, прошитый черной нитью. Рядом находился круглый клейменный ярлык Марона: два пересекающихся полумесяца. Ни один другой торговый дом такого знака не использовал.

— Я спросил Иорама, где родился Элиан. Он назвал Бет-

Шалем и рассказал семейную историю: его родители не нашли места на постоялом дворе и ночевали в хозяйственном сарае; в ту ночь над Иудеей видели медную комету с раздвоенным хвостом; неизвестный юноша принес младенцу красную накидку и исчез до рассвета. Тогда я понял, что держу в руках тот самый товар, который когда-то считал доказательством своего провала.

Семир тихо добавил: — Я помню тот вечер. Мы поднялись в северную башню, открыли старый кедровый ящик и вынесли десять свитков. Господин передал их Иораму при мне.

Марцелл долго молчал. — Значит, методы, которые он использовал в своих проповедях, были частью того же учения, которое помогло тебе построить дело.

— Не методы. Привычки, — поправил Кассиан. — Слова без привычек быстро становятся трюком.

Марцелл рассказал, что за последние годы Иорам прошел через Пергам, Сарды, Эфес, Милет, Родос, Кипр и несколько городов Ахайи. Его небольшие общины росли медленно, но устойчиво. Он учил людей работать, помогать друг другу, не отвечать унижением на унижение и не считать происхождение мерой человеческой ценности.

— Где твое следующее выступление? — спросил Марцелл.

Кассиан покачал головой. — Нигде. На этом пробный тур заканчивается. Завтра мы возвращаемся в Антиохию. Я хочу несколько дней подумать, есть ли смысл продолжать. Я

научился двигаться по сцене и смотреть людям в глаза, но пока не уверен, что мои слова действительно меняют хоть что-нибудь.

Марцелл поставил кубок на стол. — Останься в Мизаре еще на один день.

— Зачем?

— Потому что завтра утром я собирался навестить человека, ради которого задержался здесь дольше запланированного. И теперь уверен, что ты должен пойти со мной.

Кассиан посмотрел на него, ожидая объяснения.

Марцелл взял друга за обе руки. — В нижней части селения, в доме за двумя гранатовыми деревьями, живет старая женщина по имени Салия. Она мать Элиана.

Семир перестал дышать. Кирон медленно опустил кувшин на стол.

— И если память ее не подвела, — продолжил Марцелл, — завтра ты снова увидишь женщину, которая много десятилетий назад поцеловала мальчика из каравана за красную накидку, отданную ее новорожденному сыну.

Кассиан не ответил. За окном во дворе кто-то погасил последний светильник, и комната на мгновение стала темнее. Пять выступлений, все его сомнения и неудачи вдруг отступили на второй план. Он понял, что обратная дорога в Антиохию подождет.

ГЛАВА 4

Дом за гранатовыми деревьями

На следующее утро Кассиан встретил Марцелла у общественной цистерны в нижней части Мизары. Каменный резервуар стоял рядом с главной дорогой и кормил водой почти все селение. Еще до восхода здесь выстроилась очередь: женщины с кувшинами, дети с медными кружками, два пастуха, несколько погонщиков. Пыль висела над дорогой серой полосой, а над самой цистерной смешивались запах мокрого известняка, животных и свежего хлеба из ближайшей печи.

Кассиан остановился, когда к водопою подошел большой караван из Петры. Десяток мальчишек в коротких туниках принялись наполнять широкие кожаные бурдюки и каменные корыта. Верблюды тянули шеи, толкали друг друга и ворчали так громко, что разговор приходилось вести почти криком.

— Когда-то это было моей работой, — сказал Кассиан, наблюдая за самым младшим погонщиком. — В шестнадцать лет я считал хорошим днем тот, когда удавалось напоить животных и никто из старших не швырял в меня пустым ведром.

Марцелл улыбнулся. — Вчера ты рассказывал о караванах так, будто вспоминал тяжелую школу. Сейчас выглядишь человеком, которому эта школа дорога.

— Так бывает почти со всем, что действительно чему-то учит. Пока проходишь через это — проклинаешь. Через сорок лет рассказываешь с улыбкой.

Они дождались, пока поток людей у цистерны ослабнет,

вымыли руки и напились холодной воды. Марцелл провел ладонью по истертому бортику.

— Салия приходила сюда почти каждое утро, пока ноги позволяли. Элиан тоже. До двадцати с лишним лет он таскал воду для дома, работал в мастерской отца и ничем не отличался от сотен молодых мужчин, которых ты видишь на этой улице.

Кассиан посмотрел вокруг. — И ходил по этой пыли, спорил с соседями, носил доски, задолжал кому-нибудь за масло...

— Именно поэтому мне нравится это место, — ответил Марцелл без тени улыбки. — Великие истории становятся опасными, когда из них вычищают обычную жизнь. Тогда человек решает, что величие с самого начала выглядит как величие. Здесь все напоминает обратное.

Они двинулись к окраине. Главная улица постепенно сузилась, лавки исчезли, вместо них появились огороды, низкие каменные ограды и небольшие мастерские. За поворотом Марцелл указал на квадратный дом из светлого известняка. Два старых гранатových дерева почти закрывали его от дороги. На крыше сушились связки трав, у стены стояла деревянная скамья, а возле заднего двора виднелся навес с потемневшими от времени балками.

— Это дом Салии, — сказал Марцелл. — В задней комнате когда-то работал ее муж. Там сохранились рубанки, стамески и длинная пила. Жители Мизары уверяют, что

несколькими инструментами пользовался и Элиан.

Кассиан замедлил шаг. — Ты предупредил ее, кого приведешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.